

УДК 821.161.1

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-189-193

РЕЦЕНЗИЯ
И.Г. УСТИЯН. Л.Н. ТОЛСТОЙ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОМАНЕ «АННА КАРЕНИНА»

О.И. Валентинова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Если бы меня спросили, стоит ли изучать социально-экономическое положение государства и общества по художественной литературе, я бы ответила словами В. Шкловского: «Можно и градусником забивать гвозди. Вопрос в том, стоит ли это делать». Потребовали бы объяснений — пришлось бы в который раз говорить, что в основе искусства лежит подражание под действительность, а не сама действительность. Что действительность жизни и поэтическая действительность — не равны. Что образ не только действительность отражает, но и преобразует и превосходит ее. Что любой буквализм понимания разрушает искусство как таковое. Что поэтическая форма сложна, не лежит на поверхности, ее значение устанавливается только исходя из понимания текста как системы. Что вне понимания целого, невозможно установить функцию, а значит, и значение чего бы то ни было отдельного, из целого произвольно выхваченного. Что прозаический текст эстетически сложнее стихотворного и сложнее декодируется, но неподготовленный читатель, отождествляя внешнюю линию сюжета с действительностью физического бытия, пребывает в устойчивой иллюзии понимания. А потому точно знает, «что хотел сказать автор». И далее, и далее...

Но автор труда «Л.Н. Толстой: Социально-экономический институционализм в романе “Анна Каренина”» [1] — мы встретились на конференции в Кишиневе — ни о чем меня не спрашивал, а сразу подарил свою книгу. Книгу я прочитала. И эта статья — рецензия филолога на работу ... экономиста, доктора наук Ивана Григорьевича Устияна.

Название книги порождает вполне определенные ожидания — увидеть в работе реконструкцию воззрений Л.Н. Толстого на связь экономических проблем с проблемами социальными, политическими, правовыми, этическими... Названия трех заключительных глав — «Л.Н. Толстой: Семья — базовая социально-экономическая институция государства», «Л.Н. Толстой: политэкономический аспект романа «Анна Каренина»», «Л.Н. Толстой: духовно-нравственный институционализм (Толстой против «толстовцев»)» ожидания вполне подтверждают. О ме-

тоде же работы автора книги с текстом романа Толстого может дать представление, например, такое рассуждение:

«О фальши и лживости традиционного брака господствующего класса Толстой писала: «Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме французенкой-гувернанткой. И объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме». По этой причине семья князя Степана Аркадьевича Облонского и его жены Долли была на грани распада. Жена была в состоянии прострации, муж три дня не появлялся дома, «дети бежали по всему дому, как потерянные...», а обслуживающий персонал дома один за другим от учителя до кучера дружно покидали княжеский дом, подобно крысам, которые спешно покидают тонущий корабль. А распад такой состоятельной семьи тянет за собой разорение частной собственности, нажитое этой семьей, а государство лишается устойчивой экономической и социальной ячейки, из множества которых соткана матрица государства. Распавшаяся семья перестанет воспроизводить новые рабочие руки для производства необходимой натурально-вещественной продукции, ведет к сокращению налоговых поступлений в бюджет, всегда необходимых государству» [1. С. 171].

Социальный детерминизм литературоведческой заставки и экономических выводов возвращает нас в эпоху идеологизированной науки. Однако несмотря на устойчивое возобновление в книге И. Г. Устияна хорошо узнаваемой «логики» обращения с художественным текстом, сама книга не только не исчерпывается этой «логикой», но и не определяется ею. И не потому что время изменилось, и идеологизация науки в прежнем векторе осталась невостребованной. Причина, точнее причины, на наш взгляд, в другом.

Я давно не читала работ, наполненных такой безусловной любовью к художнику. Толстой — писатель, человек, мыслитель... во всем велик и безупречен. Скажете — наивно? Может быть. Но эта любовь, а не заданная тема определила смысл работы. Реконструкции социально-экономических взглядов писателя предшествует введение «Лев Николаевич Толстой — **Гений особого назначения и живая легенда России**» и три главы: «Рождение **очаровательного Гения**: этапы жизни и творчества **великого писателя-социолога России и мира Л. Н. Толстого**», «Л. Н. Толстой — А. С. Пушкин — Ж.-Ж. Руссо: социология добра» и «**Восхитительные мысли** знаменитых писателей и других деятелей культуры России и мира **о феноменологии творческого духа Л. Н. Толстого**». За восторженными эпитетами в названиях этих глав скрывается ненасыщаемый интерес автора ко всему, что связано с Толстым: библиотека писателя, переписка, дневники, хронология жизненных и творческих событий, опыт хозяйствования в имении...

Обращение Толстого к Столыпину, очень личный, бесконечно доверительный ответ писателя на пришедшее к нему письмо от студента, просившего его отдать имущество родным и бедным и нищим идти из города в город: «И к такому положению я близок и с каждым днем становлюсь ближе и ближе», организация помощи голодающим в Рязанской губернии... — так шаг за шагом автор книги возобновляет в памяти читателей огромный многосторонний пласт русской жизни, современной жизни Толстого. Возобновление столь масштабного материала в книге И. Г. Устияна непроизвольно обнажает три содержательные области, между которыми целостного научно выдержанного сопоставления никогда не проводилось: высказанные Толстым в публицистике, письмах, обращениях к импе-

ратору... соображения о социально-экономическом совершенствовании России — экономические и хозяйственные поступки Толстого — преломление социально-экономических воззрений Толстого и опыта хозяйствования в творчестве. Именно такой характер сопоставления не только намечается, но и начинается выстраиваться в работе И.Г. Устиана (например, оценка опыта хозяйствования Левина с позиций передовых сельскохозяйственных технологий XIX века).

Выработке критериев и принципов сопоставления не может не предшествовать грандиозная предварительная работа, поскольку сравниваться будет не готовый материал, а выведенные построения. Исследование публицистического и эпистолярного материала, поиск соответствий между словом и поступком мастера — при обязательном условии достоверного считывание поступка в системе иных исторических координат! — невозможны не только без умения устанавливать границы смыслоформирующего контекста внутри вербального текста, но и без скрупулезного изучения социально-экономической, интеллектуальной и бытовой жизни России и глобального понимания эпохи. Трудность задачи усугубляется еще и тем обстоятельством, что строгая система воззрений заведомо не может быть выведена, потому что связи между экономикой и социальным и правовым устройством общества, его этическими ценностями образуют принципиально открытое множество. Но вектор воззрений и может, и должен быть установлен. Как могут и должны быть установлены — что нам представляется особенно важным для объективного понимания личности — области несовпадения между вербальной интенцией и действием. Включение же в процедуру сопоставления результатов исследования художественных текстов и само исследование художественных текстов необходимо предварить пониманием того, что художник и его творение не равны другу.

Обнаружить и проинтерпретировать угол отражения авторского Я в художественной литературе, относящейся к современному этапу развития литературного языка, — задача не менее сложная, чем фиксация и истолкование Я в исторически отдаленных текстах, очевидно требующих особой культуры понимания (например, см. [2]). Не сдавая методологических позиций, с пунктирного обозначения которых мы начали эту статью, мы не можем не заметить, что по отношению к монофонично организованным художественным текстам, а после М.М. Бахтина [3] творчество Толстого трактуется как предельная монофония, с характерным для этой эстетической системы доминированием голоса автора, мы могли бы признать идею выведения из сочинений графа Толстого социально-экономической модели допустимой. Однако от неразличения личности писателя и образа автора, отождествления автора с его героем («Толстой-Левин»), несмотря на известную массовость прецедентов, необходимо отказаться.

Личность же автора работы о социально-экономических идеалах Толстого — Иван Григорьевич Устиан был заместителем и председателем Совета Министров Молдавской ССР, возглавлял Госплан республики, дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР и трижды был депутатом Верховного Совета Молдавии — позволяет поставить вопрос о познавательной необходимости реконструкции образа самого исследователя.

© Валентинова О.И., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Устиан И.Г. Л.Н. Толстой: Социально-экономический институционализм в романе «Анна Каренина». Кишинев: I.S. Firma Editorial-Poligrafica «Tipografia Centrala», 2015. 398 с.
- [2] Иванова М.В. Авторское «я» в Житии Сергия Радонежского // «Вестник славянских культур». 2015. № 2(36). С. 109—116.
- [3] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 6 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Валентинова О.И. (2017). И.Г. Устиан. Л.Н. Толстой: социально-экономический институционализм в романе «Анна Каренина» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 189—193.

Сведения об авторе:

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, профессор.

Контактная информация: e-mail: ovalentinova@yandex.ru

I.G. USTIYAN. L.N. TOLSTOY: SOCIO-ECONOMIC INSTITUTIONALISM IN THE NOVEL “ANNA KARENINA”

O.I. Valentinova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

REFERENCES

- [1] Ustiayn I.G. L.N. Tolstoy: Socio-economic institutionalism in the novel “Anna Karenina”. Chisinau: I.S. Firma Editorial-Poligrafica «Tipografia Centrala», 2015. 398 p.
- [2] Ivanova M.V. Author's «ego» in Sergius of Radonezh hagiography. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2015. № 2 (36). Pp. 109—116.
- [3] Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow: Literature, 1972. 470 p.

Article history:

Received: 6 October 2016.

Revised: 16 October 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Valentinova O.I. (2017). I.G. Ustian. L.N. Tolstoy: Socio-economic institutionalism in the novel “Anna Karenina”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 189–193.

Bio Note:

Valentinova Olga Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian linguistics, Faculty of Philology, PFUR.

Contacts: e-mail: ovalentinova@yandex.ru